

ВОЗМОЖЕН ЛИ ДИАЛОГ ИДЕАЛЬНОГО И МАТЕРИАЛЬНОГО В ПОНИМАНИИ ПРАВА¹?

© 2010 г. Роман Робертович Палеха²

Краткая аннотация: в статье предпринята попытка осмысления идеальных начал и материальных основ права. Обосновывается вывод об определяющей роли материальных условий в развитии права, через которые только и возможно постижение его подлинной сущности.

Annotation: the article presents the results of the author's thoughts on the ideal and the material foundations of law. The author concludes that the main role in the development of law belongs to the material conditions, through which the perception of the true essence of law is only possible.

Ключевые слова: право, сущность права, правопонимание, юридическая наука, материализм, идеальное, материальное.

Key words: law, the essence of law, legal understanding, jurisprudence, materialism, the ideal, the material.

Не прекращающаяся в юридической науке полемика по вопросу сущности права, создания непротиворечивой и убедительной модели правопонимания, способной представить на него ясный ответ, во многом упирается в неразрешимый фундаментальный вопрос философии: «Что первично: дух или материя, идеальное или материальное?»³. Здесь уместно обратиться к наследию немецкого философа Ф. Шлегеля, который заложил базовое понимание материального и идеального. Ученый писал: «Материализм все объясняет из материи, принимает материю как нечто первое, изначальное, как источник всех вещей... Идеализм все выводит из одного духа, объясняет возникновение материи из духа или же подчиняет ему материю»⁴. Подобного рода объяснения и взаимодействия материального и идеального в значительной степени были спроецированы и на понимание права как одной из форм проявления бытия.

Советская юридическая наука развивалась преимущественно в русле материализма. Н.А. Власенко, анализируя положения материалистического марксистско-ленинского учения о государстве и праве, указывает: «Марксизм... утверждал, что базисные отношения – отношения, складывающиеся в процессе средств производства и средств потребления и обмена, – фактор, определяющий сущность и содержание возвышающейся над ними надстройки (государство, право, мораль, культура и др.). Таким образом, государство и право предопределяются экономикой, а их «обратное» воздействие на нее невелико»⁵. Далее Н.А. Власенко говорит о следующем наблюдении: «Марксистская концепция происхождения государства и права, их место и функции

в общественной жизни, а также их судьба, в том числе политическая, в настоящее время подвергнуты критике. Однако отрицать марксистский подход в части его «педалирования» на взаимосвязь и взаимозависимость государства и права от экономических и иных социальных явлений вряд ли объективно»⁶. С этим мнением трудно не согласиться, так как право, находясь в сфере реальных жизненных отношений, детерминировано ими, выражает их и несет в себе их характеристики. Б.А. Кистяковский писал: «Процесс правообразования – по крайней мере на первых стадиях своих – чисто социальный процесс»⁷. В.В. Лапаева, рассматривая право и общественные отношения, указывает на «соответствие, адекватность права регулируемым общественным отношениям, его способность отражать объективные потребности общественной жизни»⁸. Л.С. Явич пишет: «Люди не могут отменить или изменить законы бытия права; не считаясь с ними, они лишаются возможности использовать правовое регулирование в определенных целях и задачах; познавая закономерности права, они в состоянии использовать эти знания и повысить эффективность правового воздействия»⁹.

Действительно, право не должно быть оторвано от своих истоков – факторов социальной жизни. Иначе оно утратит свое главное предназначение – точно проецировать в правовой материи сложный характер социальных связей, перестанет быть адекватным существующим общественным отношениям, как следствие, снизит свою регулятивную и охранительную эффективность и вообще может превратиться в нормативную систему, существующую сама по себе. Следовательно, материальные начала в праве, если под ними понимать разнообразные социальные условия его бытия, выступают первоосновой, а их отрицание неизбежно приведет к отрицанию самого права, его сущности.

Данные рассуждения подтверждаются позицией В.М. Сы-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-6089.2010.6.

² Доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Центрального филиала Российской академии правосудия (г. Воронеж), кандидат юридических наук (E-mail: sea@vmail.ru; тел. моб.: 8-920-552-09-36).

³ Ратников В.П. Философия. Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Лавриненко, В.П. Ратникова. М., 1998. С. 13.

⁴ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т. 2. М., 1983. С. 104–105.

⁵ Власенко Н.А. Проблемы теории государства и права. Учебник / Под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 24.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1999. С. 89.

⁸ Лапаева В.В. Социология права. М., 2000. С. 172.

⁹ Явич Л.С. Необходимость и случайность, возможность и действительность в праве // Методологические проблемы советской юридической науки / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1980. С. 74.

рых, который указывает, что “законодательство оказывается чаще всего не способным адекватно отразить, санкционировать наличные экономические отношения. Вместо того чтобы придавать общеобязательное значение общим требованиям, вытекающим из экономических отношений, законодатель проектирует собственные оригинальные нормы, которые плохо согласуются или вовсе не согласуются с этими отношениями. В результате изобретенное законодателем позитивное право может соответствовать своему объективному содержанию в такой же степени, в какой религиозное представление о Вселенной отражает действительные закономерности и процессы ее развития. В конечном итоге общество получает свои права и обязанности в карикатурном виде, в котором действительная всеобщность норм подменена частными интересами имущих, и потому действующее законодательство устраивает лишь эту незначительную часть общества”¹⁰.

Из этих позиций следует, что позитивное право, игнорируя реально существующие экономические отношения, разрушает действительное бытие права. Волевые политические установки не в силах изменить существо социальной действительности, объективных законов развития экономической жизни, но с легкостью способны уничтожить естественную среду бытия права. Только волевые решения (без учета объективных экономических условий) для созидания действительного бытия права явно недостаточны. Например, если представить, что законодательство современной России будет игнорировать ее объективно существующий рыночный уклад экономики и будет развиваться в направлении ограничения экономических свобод, национализации сфер экономики, то это неизбежно приведет к социальной напряженности и, возможно, к гражданским силовым акциям.

Не учитывать материальных условий жизни общества недопустимо. Печальный пример тому имела царская Россия в 1917 г. Она не спешила реагировать на естественно развивающиеся и изменяющиеся общественные отношения и не заметила, что былой законодательный кафтан существующего социально-политического уклада явно тесен растущему общественному организму. Как следствие – социальное недовольство, революционные настроения, взрыв общества. Итог – разрушение прежних социальных связей при невозможности сформировать непротиворечивые новые. Таким образом, и старый кафтан оказался порван, и новый не сумели сшить. За косность законодательства царской России, а фактически за непростительную нерасторопность в реагировании на объективно изменившиеся социально-экономические условия жизни общества народу пришлось заплатить непомерно высокую социальную цену.

В.М. Сырых, продолжая анализ экономических отношений как объективных и необходимых условий и воли законодателя, как субъективного фактора в оформлении права, пишет: “Запрещенные законом экономические отношения, однако, не исчезают бесследно, а сохраняются в реальной жизни в форме правонарушений, фактически правовых отношений (неоформленного права), а также правопритязаний заинтересованных субъектов”¹¹.

Из этих наблюдений можно заключить, что недопустимо отрывать действительное бытие права от экономических условий его существования. Общество обречено платить

слишком высокую социальную цену за позитивное право, лишенное материальных основ своего существования и ввергнутого в пучину субъективных идей его вольного понимания. Ответственный законодатель и иные субъекты правотворческой деятельности должны усвоить этот вывод раз и навсегда. Необходимо понимать, что неадекватно сформулированная правовая норма (оторванная от экономических и иных объективных социальных условий жизни общества) по недосмотру либо сознательно под воздействием влиятельных, лоббирующих свои интересы групп всегда будет отрицать действительное бытие права и выполнять антиправовую и антисоциальную роль.

В такой ситуации отрицания материального и возвышения идеального могут быть заинтересованы только недобросовестные этатистские государственно-правовые режимы, которые практикой своего существования показали, что право и закон – это нетождественные категории. В нормальных условиях государственно-правовой жизни закон – естественная форма существования действительного бытия права. В условиях насильственных государственно-правовых режимов закон – это форма выражения искаженного бытия права, лишенного правового содержания, т.е. фактически права, волей властвующих отлученного от материальных условий своего существования. Поэтому государства, не учитывающие материальных условий жизни общества, не могут создавать права. Они обречены производить на свет неправовые законы, социальную цену которых на себе сполна ощутили народы, жившие, вернее – умиравшие под нечеловеческие стоны от беспощадной, истребляющей жизни фашистской и советской тоталитарной государственной машины. Поэтому необходим баланс в праве объективного, основанного на материальных условиях жизни, и субъективного, выраженного в государственной воле. Иначе сами общественные отношения неизбежно отторгнут инородное тело нарушившего баланс неправового закона, который им не соответствует и пытается подменить объективное начало на иллюзорное субъективное, отрицающее действительное бытие права.

Присутствие в праве как социальном явлении и, как следствие, в его понимании как мыслительном процессе, направленном на выявление его сущности, начал идеального и материального подтверждают выводы И.Ю. Козлихина, который указывает: “Правогенез идет двумя путями: 1) право порождают сами общественные отношения, которые объективно требуют правовой формы и иначе существовать не могут (как осознание этого процесса и возникает юридическое мировоззрение); 2) право является порождением (эманацией) государственной воли. В первом случае складывается спонтанный, естественный правопорядок; во втором – правопорядок, установленный посредством государственного закона, т.е. искусственный правопорядок. Спонтанный правопорядок касается прежде всего сферы частного права; искусственный правопорядок – сферы публичного права, которое, как правило, спонтанно сложиться не может. В идеале правовая система состоит из двух гармоничных сфер частного и публичного права, т.е. спонтанного и искусственного правопорядков. Что касается России, то очевиден рост частного права, естественного правопорядка и явная недостаточность права публичного”¹².

Думается, чтобы действительно сферы спонтанного и искусственного правопорядка были гармоничны, необходим

¹⁰ Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. М., 2007. С. 89.

¹¹ Сырых В.М. Указ. соч. С. 93.

¹² Козлихин И.Ю. Философия права И. Канта и современность // Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений. Материалы международной конференции. Самара, 2001. С. 444.

баланс материальных и идеальных начал в праве. Утверждение о том, что искусственный правопорядок, как правило, спонтанно, т.е. естественно сложиться не может, не является абсолютно точным, поскольку само публичное право, являющееся порождением искусственного правопорядка, без частного права, основанного на естественном правопорядке, существовать не может, что подтверждается богатым эмпирическим материалом развития классического римского права. Основной вопрос в этой связи, полагаю, заключается не в «недостаточности права публичного», а в его качественных характеристиках, т.е. насколько законодатель точно выразил на уровне правовой материи характер объективно существующих материальных условий жизни общества и его потребностей, насколько ему удалось выдержать баланс субъективного (государственной воли) и объективного (материальных условий, потребностей) в отражаемом бытии права, что в конечном итоге и определит уровень правового в законе.

На двойственную природу права указывал известный русский дореволюционный правовед, проф. П.И. Люблинский, который писал: «Путем долгого развития государственная власть от простого поддержания существующего правового строя переходит к руководству правовой жизнью страны и сама развивает то право, которое может претендовать на защиту со стороны государства»¹³. Здесь в генезисе права отчетливо прослеживается наличие спонтанного на начальных стадиях его развития «существующего правового строя» и установленного в более поздний период государством права, «которое может претендовать на защиту со стороны государства».

Значительный вклад в понимание роли объективного в бытии права принадлежит материалистическому учению. Материализм в правопонимании – это научно сформулированная и практически подтвержденная идея об обусловленности права реально существующими общественными отношениями. В.М. Сырых считает, что «материализм остается единственным философским учением, действительность и действительность которого подтверждаются не только теоретически, но и практически»¹⁴.

Отечественный теоретик обрушивается с критикой в отношении советской науки и пишет, что «советские правоведы, как и философы, сражались за материализм и диалектику, но не по ее канонам, а по канонам отвергаемого ими метафизического метода. При этом главный упор делался на цитирование работ классиков марксизма и их подтверждение какими-либо реальными, а зачастую вымышленными в угоду политической и идеологической конъюнктуре фактами советский вариант марксистского правопонимания не был даже карикатурой на марксизм, это была его коллективная и массовая мистификация»¹⁵.

Приведенные наблюдения В.М. Сырых представляются весьма ценными и своевременными, поскольку показывают, что советская наука, существовавшая в условиях жесткой командно-административной системы, не была способна к независимым объективным оценкам. Как следствие, она дискредитировала аутентичное материалистическое учение К. Маркса и Ф. Энгельса, содержание которого и поныне остается скрытым от глаз исследователей.

Материализм указывает на объективный характер права, демонстрирует его социальную обусловленность, рассматривает право как факт социальной реальности, зависящий

от конкретных исторических, социально-экономических, политических и иных объективных условий бытия. С этими выводами трудно спорить. Вместе с тем, сфера бытия права – это не только ее материальное, но и идеальное проявление. С.С. Алексеев указывает, что «право относится к субъективной стороне нашей жизни. К тому, что представляет собой плод мыслей и воли людей»¹⁶. Выдающийся русский правовед – мыслитель И.А. Покровский полагал, что «право есть некоторая социально-психологическая сила, регулирующая поведение людей; оно есть некоторое состояние общественного сознания и общественной воли, заключающее в себе психическое принуждение индивида к известному поведению. Как явление социальной психологии право является, таким образом, несомненной реальностью, фактом эмпирической действительности, частью из мира сущего»¹⁷. В данном определении не отрицается материальный характер права, но он неразрывен с психологической идеальной составляющей его проявления. Далее С.С. Алексеев пишет: «Только при признании того, что предметом юридических знаний являются не сами по себе акты власти, не требования той или иной идеологии, не какие-то фантомы, а твердая объективная реальность (такая, которая относится к социальной материи, к субъективной стороне жизни общества), – только при признании этого возможна действительная истинная наука, «имеющая дело» с реальными фактами окружающей нас действительности. То есть такая же в принципе наука, как и все иные отрасли знаний. Да к тому же – наука, призванная практически и теоретически осваивать такие реальные факты действительности, которые в той или иной мере, в том или ином виде выражают известные идеалы, гуманитарные начала»¹⁸.

Из данных наблюдений прослеживается, что «твердая объективная реальность» – это не буквально понимаемые материальные условия жизни общества, но в том числе и их психологическое субъективное переживание, а значит, и субъективная оценка права как части общего бытия. Действительно, если человек мыслит, дает оценки по вопросу права, говорит, каким оно должно быть, сознательно создает его модель, а затем, используя свою волю, выражает право в юридических документах, сложно говорить о необъективном (идеальном) характере права.

Думается, что в этом обнаруживается сфера соприкосновения идеального и материального. Правопонимание следует воспринимать как сложную многогранную категорию, имеющую социально-экономическое, социально-психологическое (социально-детерминированное и интуитивно-личностное), политическое, интеллектуальное, духовно-нравственное наполнение. Только в этом случае категория «правопонимание» способна адекватно, всесторонне представлять все грани сложного объекта ее исследования – права.

В подтверждение данных рассуждений можно обратиться к некоторым учениям советской правовой доктрины, где изложено следующее: «Известно, что между объективными законами внешнего мира и субъективной деятельностью человека существует связь, выступающая как необходимая. Люди не свободны в принятии решений, пока законы внешнего мира действуют как слепая сила. Только научное осознание закономерностей общественного развития, необходимости и непреодолимости их действия становится основой определения той меры свободы, которую государство на данном историческом этапе может зафиксировать в правах и

¹³ Люблинский П.И. На смену старого права. Пг., 1915. С. 1.

¹⁴ Сырых В.М. Указ. соч. С. 11.

¹⁵ Там же. С. 12.

¹⁶ Алексеев С.С. Избранное. М., 2003. С. 169.

¹⁷ Цит. по: там же. С. 170.

¹⁸ Там же. С. 171–172.

обязанностях граждан. Социалистическое государство, опираясь на подлинно научное знание объективных законов общественного развития, стремится к точному и всестороннему выявлению как объективных, так и субъективных факторов, с тем чтобы права и обязанности граждан соответствовали достигнутому этапу развития”¹⁹. Приведенное утверждение указывает, что характер действительного бытия права детерминирован объективными условиями жизни общества и эволюция права зависит от динамики общественного развития.

И еще очень важный вывод, к которому пришел В.М. Сырых: “Не позитивный закон регулирует экономические отношения, а наоборот, экономические отношения лежат в основе закона и определяют его содержание, и там, где нет полного соответствия между этими отношениями и законом, именно последний должен приводиться в соответствие со своей объективной основой. И заслуга К. Маркса и Ф. Энгельса состоит в научном обосновании этого тезиса, составляющего основу материалистического правопонимания...”²⁰. Данный вывод еще раз подтверждает, что нельзя подменять материальное идеальным, поскольку это верный путь к уничтожению действительного бытия права.

В современной юридической науке, в среде ставших модными направлений правопонимания Г.В. Мальцев приводит антрополого-позитивистскую позицию: “Тот пласт реальности, который представлен эмоциями, переживаниями, подсознательными реакциями, интуицией, генетическими программами человеческого поведения...” – все это “является объектом естественнонаучного знания в области психологии, психиатрии, медицины, биологии, генетики и т.д.”²¹. В.В. Лапаева логично замечает: “В рамках антропологического типа правопонимания в настоящее время можно выделить прежде всего психологические, феноменологические, экзистенциалистские и герменевтические концепции права”²². Н.В. Малиновская указывает, что “современная теоретико-правовая наука в стремлении найти единый подход к осмыслению права и подвести под общий знаменатель многочисленные концепции правопонимания все чаще обращается к идеям интегративной юриспруденции – феноменологии, экзистенциализму, коммуникативной теории права и философской герменевтике”²³.

Полагаю, эти многочисленные направления правопонимания имеют право на свое существование, но с одной существенной оговоркой: они, проявляя повышенный интерес к идеальным началам права, не должны забывать о существенной роли материальных условий в построении действительного бытия права, через которое возможно постижение его подлинной сущности.

Обращает на себя внимание позиция А.Г. Бережнова, который пишет: “Трудно не заметить, что важной особенностью отечественного правоведения, его теоретико-методологических оснований стало очевидное преобладание в теории права, в научном правосознании в целом взглядов, представлений, убеждений, доктрин, принципиальной и общей чертой которых является (прямое или косвенное, но так или иначе) презюмирование, признание возникновения и

существования “права” как некоего объективно предопределенного содержания и смысла, как некоей объективной сущности. Именно в этом качестве “право” претендует, может и долженствует быть постигнутым и поэтому всеми одинаково постигнутым, осознанным. “Право” именно таково не только для мыслящих, понимающих его таковым, но и для всех других социальных субъектов. Поэтому объективность права понимается здесь не просто как необходимость констатации, указания на нечто, имеющее место быть в объективной действительности (оставляя еще открытым вопрос о его внутреннем смысле и содержании), но, напротив, здесь признается наличие некоторого необходимого, предустановленного, заданного содержания и смысла. Другими словами, “право” существует объективно не просто как некий номинальный факт, но именно как определенное, “собственно правовое” содержание. Объективный смысл права сам по себе независим от его социально-субъективного понимания и даже от признания или отрицания такового вообще, ибо такого рода субъективные проявления в принципе ничего в объективном, подлинном смысле права все равно не меняют”²⁴. Такого рода посыл понимания в качестве основы права, его объективной сущности подтверждает ранее сделанные выводы об определяющей роли материального в действительном бытии права.

С.С. Алексеев, анализируя сложный состав права, излагает следующее: «Материя права такова, что она не позволяет использовать право по принципу – “Что хочу, то и ворочу” или по придворным нравам – “Чего изволите?”. Так что истинный правовед, владеющий необходимой суммой профессиональных знаний, должной юридической культурой и гражданской целеустремленностью, обязан, независимо от своего социального и служебного положения, уметь говорить: “Нет” – “Нет”. Право не позволяет сделать это. Или – “Позволяет сделать лишь то-то и то-то, и ничего иного”. Или – “Что ж, извольте, используйте для задуманного Вами правовые установления, но знайте – будут крупные издержки, потери, не исключено – непоправимые”. Такой подход к юридическим знаниям – знаниям строгим и основательным является по сути дела важнейшим элементом, открывающим путь к государственной политике, построенной на последовательно научных началах. На началах всего комплекса наук, относящихся к человеку и обществу, среди которых достойное место призвана занять и наука права. Напротив, недоучет и тем более прямое отрицание указанной черты правовых знаний (в частности, сведение права к феномену сугубо духовного, идеального порядка) приводит в практическом отношении к тому, что манипулирование правовой материей – как и в других случаях вольного манипулирования с объективными реальностями – оборачивается в практической жизни недостатками, потерями, порой крупными, невосполнимыми. То есть приводит к крупным просчетам, к непониманию действительной роли, предназначения и смысла права в жизни людей, в судьбе общества, а в науковедческом отношении – к трактовке юриспруденции как дисциплины “низшего сорта”, одного лишь узко понимаемого “юридического позитивизма”. Да к тому же, скажу еще раз, действительные законы законов, особенности и закономерности права, его тайны действительно так и останутся недоступными и неведомыми для юридической науки, что в общем-то будет и дальше оправдывать существующее о ней высокое мнение»²⁵. В подтверждение своих суждений

¹⁹ Варданянц Г.К. Социологическая теория права. М., 2007. С. 129.

²⁰ Сырых В.М. Указ. соч. С. 101.

²¹ Цит. по: Лапаева В.В. Проблемы теории государства и права. Учебник / Под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 63–64.

²² Лапаева В.В. Там же. С. 64.

²³ Малиновская Н.В. Философская герменевтика и правопонимание: проблемы и перспективы // Вестник Воронежского гос. ун-та. 2007. № 2. С. 38.

²⁴ Бережнов А.Г. К вопросу об “объективном” и “субъективном” в контексте теоретико-методологических проблем правопонимания // Вестник МГУ им. М.В. Ломоносова. 2004. № 4. С. 3.

²⁵ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 172–173.

С.С. Алексеев обращается к теоретическому наследию О. Шпенглера, который указывал: «То, что мы до настоящего времени называем правоведением, есть либо филология юридического языка, либо схоластика понятий права... Никто из ученых больше не обращает внимания на идеологов римского права... Чтобы освободить нас также и от схемы этих понятий, необходимо правоведение иного рода. На смену филологическому должен прийти общественный и экономический опыт»²⁶.

Н.А. Власенко абсолютно справедливо указывает: «В конечном итоге изучаемое должно реально и точно отражать действительность. Здесь важны следующие моменты. Исследователь, основывающий свое познание на принципах диалектики, выработанных всем человеческим опытом и объективно данных природой, в принципе «обречен» на достижение объективных результатов. Между тем достижение объективности часто затруднено, особенно в сфере социальных наук, по причинам политического характера, эмоционального восприятия общественных процессов и полученных результатов. Здесь задача исследователя – сохранить объективность, несмотря на различные обстоятельства, ибо только в этом случае полученные научно-исследовательские данные можно назвать научными, а их автора – ученым»²⁷.

В завершение приведенных рассуждений хотелось бы заключить, что право не может быть выше экономического

строения общества и связанного с ним уровня культуры. И совершенно прав В.М. Сырых, когда пишет: «Реальную силу экономическим отношениям дают отнюдь не законы, а вызревшие в недрах общества соответствующие экономические условия, при которых определенный социальный слой получает возможность удовлетворять ту или иную свою потребность значительно эффективней, нежели в прежних или еще существующих отношениях. И этот социальный слой, его насущные потребности, желание удовлетворить потребности более простым, удобным способом и становятся действенным гарантом объективности нового способа экономической взаимосвязи, который в конечном итоге в историческом развитии неизбежно побивает противоречащие ему законы и иные нормативные правовые акты»²⁸.

Отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, следует сказать, что диалог идеального и материального в понимании права не только возможен, но и настоятельно необходим. Причем идеальное не должно быть абстрактным, оторванным от материальных условий действительного бытия права. Чем больше дистанция между идеальным и материальным в бытии права, тем меньше правового содержания в законах и иных правовых актах, способности выражать действительную сущность бытия права и возможности защищать интересы его единственной ценности – человека.

²⁶ Цит. по: там же. С. 173.

²⁷ Власенко Н. А. Указ. соч. С. 24.

²⁸ Сырых В.М. Указ. соч. С. 94.